

того, что все страны начинают сами производить то, что им нужно, промышленность неизбежно будет едва прозябать. Фабрики начнут закрываться, массы рабочих будут выброшены на улицу, и голодные их толпы будут готовы подчиниться первому встречному политическому пройдохе, вроде Наполеона III, или даже вернуться к старому порядку, лишь бы им обеспечили правильную плату за труд.

Или - попробуйте экспроприировать земельных собственников и передать фабрики в руки рабочих, не касаясь при этом толпы посредников, которые сбывают продукты наших мануфактур и спекулируют в крупных городах на муку, на хлеб, на мясо - на все! Обмен тогда приостановится, продукты перестанут двигаться по стране. Париж останется без хлеба, а Лион не будет находить сбыта для своего шелка - и реакция воцарится опять с ужасающей силой на трупах рабочих, опустошая картечью города и деревни, среди оргий, казней и ссылок, как это и было в 1815-м, 1848-м и 1871-м годах.

В нашем обществе все так тесно связано между собой, что невозможно коснуться одной какой-нибудь отрасли хозяйства, без того чтобы это не отозвалось на всех остальных. Как только частная собственность будет уничтожена в одной какой-нибудь форме - поземельной или промышленной,

- ее нужно будет уничтожить и во всех остальных. Самый успех революции сделает это необходимым.

Впрочем, мы не могли бы ограничиться частичной экспроприацией, даже если бы хотели этого. Как только самый принцип «священной собственности» будет поколеблен, никакие теоретики не смогут помешать ее исчезновению под ударами ее взбунтовавшихся рабов - земледельческих, промышленных, железнодорожных, торговых. Если какой-нибудь большой город, например, Париж, возьмет в свою собственность дома или фабрики, то он самою силою вещей будет вынужден отвергнуть и права банкиров на взимание с Парижа пятидесяти миллионов годового налога в виде процентов на прошлые займы. Точно так же, вступивши в сношения с земледельческими рабочими, ему придется побудить их освободиться от поземельных собственников. Придется экспроприировать землю, хотя бы в окрестностях Парижа. Чтобы кормиться и работать, городу придется также экспроприировать железные дороги; и наконец, чтобы пищевые продукты не тратились зря и чтобы не оставаться во власти спекулянтов на хлеб - как это случилось с коммуной 1793 года, - самим гражданам Парижа придется заняться устройством запасных магазинов и распределением хлеба и всякой пищи.

* * *

Некоторые специалисты, однако, попытались ввести еще одно различие.

«Хорошо, - говорили они, - пусть экспроприируют землю, угольные копи, фабрики и заводы. Это - орудия производства, и они должны по справедливости рассматриваться как общая собственность. Но кроме этого существуют еще предметы потребления: пища, одежда, жилище, которые должны остаться в частной собственности».

Народный здравый смысл быстро порешил с этим слишком тонким различием. Во-первых, мы не дикари и не можем жить в лесу, в убежище из ветвей; для работающего европейца нужна комната, нужен дом, нужна кровать, нужна печка. Для того, кто ничего не производит, кровать, комната, дом - это среда для безделья. Но для человека, работающего отопленная и освещенная комната является таким же средством